
Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия*

© 2021 г. А.Н. Чумаков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет глобальных процессов,
Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1, с. 13А (корпус В).

E-mail: chumakov5@yandex.ru

Поступила 28.12.2020

Основная цель данной статьи – вынести на обсуждение новую тему исследования, проистекающую из взаимодействия двух основных векторов и наиболее характерных трендов развития современного мира: *глобализации* и *цифровизации*. Автор не только дает свои оригинальные трактовки этим широко обсуждающимся явлениям, акцентируя внимание на их естественно-исторической сущности, но и приходит к выводу об их неразрывной связи и взаимообусловленности. При этом он указывает на кумулятивный эффект взаимодействия глобализации и цифровизации, раскрывает его положительные и негативные аспекты и дает оценки влиянию этого эффекта на общественную жизнь как на национальном, так и на глобальном уровне. Говорится также, что по мере втягивания в процессы глобализации и цифровизации, мировое сообщество не только интегрируется, но и дифференцируется. К тому же серьезные коррективы в эти процессы вносит пандемия коронавируса. В итоге автор приходит к выводу, что как бы ни оценивали глобализацию и цифровизацию, какие надежды ни возлагались бы на развитие науки, техники и новейших технологий, подлинный прогресс заключается, прежде всего, в развитии самого общества. И определяется он уровнем ответственности, сознания, морали и, в конечном счете, поведением людей.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, информационное общество, цифровая экономика, цифровое общество, глобальный мир, научно-технический прогресс, информационно-технологическая революция.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46

Цитирование: Чумаков А.Н. Глобализация и цифровизация: социальные последствия кумулятивного взаимодействия // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 36–46.

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований; проект № 19-511-93002.

Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction*

© 2021 Alexander N. Chumakov

*Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global Processes,
p. 13A (building B), 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.*

E-mail: chumakov5@yandex.ru

Received 28.12.2020

The main purpose of this article is to bring to the discussion a new research topic arising from the interaction of the two main vectors and the most characteristic trends in the development of the modern world: globalization and digitalization. The author not only gives his original interpretations of these widely discussed phenomena, focusing on their natural history essence, but also comes to the conclusion about their inseparable connection and interdependence. At the same time, he points out the cumulative effect of the interaction between globalization and digitalization, reveals its positive and negative aspects and gives estimates of the impact of this effect on public life both at the national and global levels. The article also says that as the processes of globalization and digitalization increase, the world community is not only integrating, but also differentiating. In addition, the coronavirus pandemic is making serious adjustments to these processes. As a result, the author concludes that no matter how much globalization and digitalization are assessed, what hopes would not be placed on progress in the development of science, technology and advanced technologies, real progress lies primarily in the development of society itself. And it is defined by the level of responsibility, consciousness, morality and, ultimately, the behavior of people.

Keywords: globalization, digitalization, information society, digital economy, digital society, global world, scientific and technological progress, information and technology revolution.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-8-36-46

Citation: Chumakov, Alexander N. "Globalization and Digitalization: Social Consequences of Cumulative Interaction", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2021), pp. 36–46.

Современная эпоха характеризуется по-разному, но по большей части она ассоциируется с *информационно-технологической революцией и стремительной цифровизацией различных сфер общественной жизни*, а также с набирающей обороты *глобализацией*. Отсюда возникает ряд принципиальных вопросов: Что такое цифровизация и как она меняет нашу жизнь? Как понимать глобализацию и ее воздействие на общество? Связаны ли между собой такие, казалось бы, разные явления, как глобализация и цифровизация, и если да, то как? Наконец, как это влияет на нашу жизнь и что нас ожидает в перспективе?

* The article was written with the financial support of the RFBR within the framework of a research project; project No. 19-511-93002.

Природа и суть цифровизации

Изначально определим значение основных понятий и суть стоящих за ними явлений. Так, говоря о **цифровизация**, которая в геометрической прогрессии внедряется сегодня во все сферы общественной жизни, мы невольно задаемся вопросом: а есть ли уже глобальное цифровое пространство и какое отношение к этому имеют наиболее развитые страны и крупнейшие ИТ-компании мира? [Top global market... 2016 web]. Не вдаваясь в специальные подробности программирования и технические детали электронных способов передачи информации, ограничимся рабочим определением понятия «**цифровизация**». При этом выделим в нем узкое и широкое значения. Этого будет вполне достаточно, чтобы раскрыть заявленную тему.

В узком (буквальном) смысле этого слова под **цифровизацией** понимают такое преобразование информации, когда она обретает цифровое выражение, то есть записывается (кодируется) посредством определенных операций с цифрами. Это как раз и есть основа, исходный пункт **цифровых технологий**, которые представляют собой совокупность методов и инструментов для достижения желаемого результата при помощи информации, выраженной в цифровом формате. Более широкое значение термина **цифровизация** включает в себя также и прикладной аспект, когда цифровые технологии с целью решения практических задач повсеместно внедряются в различные сферы общественной жизни: промышленность, экономику, науку, образование, культуру, обслуживание и др. В итоге оптимизируется работа всевозможных технических систем и общественных структур, существенно экономятся ресурсы и время, повышаются оперативность и качество оказываемых услуг и т.д. и т.п. Такого типа экономики именуют теперь «цифровыми».

Впервые термин «цифровая экономика» был введен в оборот в 1995 г. [Tapscott 1995; Negroponte 1995]. Однако и сама идея, и основы такой экономики корнями своими уходят в 1960-е гг. Именно тогда научно-технический прогресс, обретавший форму информационно-технологической революции, послужил импульсом к появлению оригинальных идей и концепций, описывавших наступление новой эры в развитии общества. Это новое состояние общества разные авторы именовали по-разному, называя его «постиндустриальным» (Г. Кан, Д. Белл), «технотронным» (Ж.-Ж. Серван-Шрейбер, З. Бжезинский), «информационным» (Ж. Фурастье, А. Турен), «сверхиндустриальным», «компьютерным» (А. Тоффлер).

Итак, важно подчеркнуть, что **цифровизация** – это закономерный результат научно-технического прогресса, в результате которого она пришла на смену **информатизации** и **компьютеризации** [Schoenherr 2004 web]. Последние были связаны в основном с применением вычислительной техники, компьютеров и информационных технологий. Их основная задача состояла в том, чтобы увеличить вычислительные, контролируемые и управленческие способности человека. **Цифровизация** же, в отличие от **информатизации**, решает более сложные задачи, поскольку цифровые системы способны уже анализировать, прогнозировать и выбирать наиболее оптимальные способы решения сформулированных пользователем проблем.

Таким образом, в современном мире формируется по существу новая парадигма не только качественно иных экономических структур и связей, но и в целом планетарной динамики, где основным трендом оказывается **цифровизация**. Тем самым она становится драйвером мирового общественного развития, что позволяет рассматривать ее теперь не иначе как глобальный процесс, который с каждым днем все больше подчиняет планету, а с учетом интенсивного освоения космоса и все околоземное пространство [Пружинин, Щедрина 2019; Контуры... 2018; Слюсарев, Хусяинов 2018].

Генезис и восприятие глобализации

Теперь обратимся к еще одной, казалось бы, другой, но на самом деле тесно связанной с цифровизацией теме. Речь идет о **глобализации**, которая с конца XX в. также

находится в центре научного и широкого общественного внимания. В профессиональном сообществе **глобализация** понимается, прежде всего, как *объективно-исторический процесс формирования планетарных структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни*. В то же время, за пределами круга специалистов относительно этого беспрецедентного феномена имеют место острые дискуссии и разногласия в понимании как природы, так и всевозможных последствий *глобализации*. Ее понимают то как историческую ошибку, то как специальный проект, разработанный и осуществляемый в своих интересах определенными силами или конкретными субъектами международных отношений. Одни относят историю появления глобализации к глубокой древности, тогда как другие полагают, что глобализация началась лишь в XX в. При этом кто-то видит неразрывную связь и взаимообусловленность между *глобализацией, глобальными проблемами и научно-техническим прогрессом*, тогда как другие такой связи не видят или не придают этому должного значения.

Почему так происходит? Укажем только две наиболее важные причины.

Во-первых, *глобалистика*, как сфера междисциплинарного научного знания о глобальном мире, *глобализации* и ее всевозможных последствиях, стала складываться только с последней четверти XX в. и сегодня, хотя и обрела уже вполне законченные формы, все еще находится в стадии активного формирования. Иначе говоря, разногласия обусловлены трудностями роста новой дисциплины.

Во-вторых, и это не менее важная причина дискуссий, – *глобализация* прямо или косвенно касается каждого жителя планеты. Она вовлекает в свой оборот все общественные системы и, прежде всего, субъекты международных отношений: национальные государства, транснациональные корпорации, всевозможные международные организации и т.п. Тем самым она становится полем противостояния различных интересов и острейшей борьбы во всех сферах общественной жизни: от идеологии и политики до экономики и финансов, от культуры и системы образования до пропаганды и средств массовой информации. В итоге многие готовы возложить на глобализацию ответственность за социальные неурядицы, а то и за собственные ошибки. И тем сильнее винят глобализацию в деструктивном воздействии на общество, чем сильнее обростает она всевозможными кривотолками, домыслами и дискуссиями вокруг нее.

Однако как бы кто ни относился к глобализации, нельзя отрицать тот факт, что она стала составной частью и основным трендом современного исторического развития. И, более того, она не может остановиться или хотя бы пойти на спад, тем более, не может быть отменена кем бы то ни было. Не может быть она и «американской», «западной» или какой бы то ни было еще, не говоря уже об «управлении» ею, о чем немало рассуждают те, кто плохо разбирается в природе глобальных процессов. А поскольку речь идет практически о всех сферах общественной жизни, вовлеченных в такую глобализацию, то ее следует именовать *многоаспектной*, когда, казалось бы, даже незначительные проблемы локального или регионального уровня могут достаточно быстро обрести планетарное значение [Кацура, Мазур, Чумаков 2016].

Кумулятивный эффект глобализации и цифровизации

Принимая во внимание сказанное, вернемся теперь к тем аспектам многоаспектной глобализации, которые непосредственно связаны с заявленной темой. Здесь важно подчеркнуть, что, вовлекая в свой оборот все новые и новые сферы и направления человеческой деятельности, глобализация с самого начала оказалась тесно связанной с наукой и техникой. И это вполне закономерно, поскольку, с одной стороны, развитие глобальных коммуникаций и интенсификация международной мобильности благодаря оперативному распространению новых идей, научного знания и технологий стали важным фактором ускорения научно-технического прогресса. С другой стороны, научно-технический прогресс с самого начала был и остается отличительным трендом глобализации. А теперь, когда глобализация стала многоаспектной, ее трендом и отличительной особенностью является цифровизация. По существу *глобализация и цифровизация* –

это два параллельных и в то же время тесно взаимосвязанных процесса планетарного масштаба.

Суммируя, можно сказать, что если *глобализация* является *высшей ступенью*, **венцом** *глобальных процессов*, протекающих в неживой, живой и социальной сферах, то *цифровизация* – это **квинтэссенция** *информационно-технологической революции* или, что тоже самое – современного этапа научно-технического прогресса. Соединяясь, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга, эти два вектора, два основных тренда современной эпохи (*глобализация* и *цифровизация*) порождают **кумулятивный эффект**, проявление которого мы и наблюдаем теперь в таких общественных явлениях, как «цветные революции», внешнее вмешательство в избирательные процессы суверенных государств, международный терроризм, глобальный всплеск киберпреступности и т.п. По природе своей явления эти, конечно же, сугубо социальные. Но именно *глобализация* и *цифровизация* (причем лишь вместе взятые) предоставляют соответствующие возможности и оказываются той средой, в которой данные процессы только и могут происходить. Этот кумулятивный эффект, порождаемый взаимодействием *глобализации* и *цифровизации*, можно уподобить свойству «гремучего газа» – взрывоопасной смеси водорода и кислорода. Сами по себе водород и кислород опасности не представляют, но, будучи соединенными вместе, при соответствующих условиях взрываются.

На пути к «цифровому обществу»

Так насколько же данное явление новое и стало ли оно неожиданностью для мирового сообщества? На самом деле такое положение дел сложилось не сразу. По историческим меркам оно сформировалось, конечно, достаточно быстро, но, тем не менее, на это потребовалось два последних десятилетия. А предпосылки взаимного влияния глобализации и цифровизации стали очевидными для определенной части научного сообщества и того раньше, хотя сами термины для обозначения этих процессов тогда еще отсутствовали. Они войдут в оборот в 1990-е гг. Но уже на рубеже 1970–1980-х гг. наряду с технологическим прорывом в области вычислительной техники и электронного оборудования появились целенаправленные исследования в этой сфере и соответствующие им публикации. Именно тогда впервые заговорили о наступлении информационно-технологической революции и грядущих переменах, которые произойдут под ее влиянием в условиях, когда мир будет становиться все более глобальным.

Здесь следовало бы отметить заслуги А. Тоффлера, Д. Белла, У. Дайзарда, Т. Стоунера, Р. Айриса, А. Турена, Ф. Джорджа, Ж.-Ж. Серван-Шрейбера и других, усилиями которых начинавшаяся тогда информационно-технологическая революция стала предметом особого внимания как значительной части ученых, так и широкого общественного сознания. Это было время творческого подъема и появления оригинальных идей касательно роли науки и техники в жизни общества. Интерес к данной теме возрастал и за счет резко возросшего количества соответствующих работ, многие из которых практически сразу становились бестселлерами.

Одним из наиболее известных авторов того времени, кто рассуждал о становлении нового общественного уклада, основанного на телекоммуникациях и компьютерной обработке информации, был Д. Белл, который еще в 1980 г., в частности, писал: «Я стою на том, что информация и теоретическое знание суть стратегические ресурсы постиндустриального общества. Кроме того, в своей новой роли они представляют собой поворотные пункты современной истории» [Белл 1986, 330–342].

Тогда же (1980 г.) вышла в свет и нашумевшая книга А. Тоффлера «Третья волна», где он говорил о том, что «компьютер войдет в каждый дом и станет такой же непременной его принадлежностью, как туалет. Заняв прочное место в банках, магазинах, правительственных учреждениях, жилых домах и на производстве, компьютеры перестроят не только бизнес, но и структуру семьи, изменят саму суть производственного процесса» [Тоффлер 1982, 91].

Не остался в стороне от исследований данной темы и уже получивший к тому времени широкую известность Римский клуб. Так, его двенадцатый доклад, опубликованный в 1982 г. под редакцией Г. Фридрикса и А. Шаффа, назывался «Микроэлектроника и общество: на радость или на горе» [Friedrichs, Schaff (eds.) 1982]. В нем тема информационной революции и ее связи с глобальными процессами стала предметом детального исследования и, в частности, отмечалось, что новые технологии, основанные на микроэлектронике, кардинально изменят нашу жизнь уже в ближайшем будущем. Авторы доклада также подчеркивали, что влияние микроэлектроники все больше будет становится фактором общественной жизни в планетарном масштабе, и вряд ли какой бы то ни было тип общества останется в стороне от ее воздействия.

Как показал дальнейший ход исторического развития, это были достаточно точные прогнозы, которые не только практически полностью подтвердились, но и в известной степени подготовили общественное сознание к новой реальности. Так, когда в 1990-е гг. появился Интернет, он в предельно короткие сроки получил стремительное распространение не только благодаря технологической революции, но и потому, что это стало ключевым шагом к формированию «информационного общества». Затем появился термин «*цифровое общество*», который теперь активно используется для характеристики общественных систем современного мира. Отличительной особенностью таких систем является то, что *информация, выраженная в цифре, является основой современных технологий, а также стратегическим ресурсом и способом воздействия на общественные и природные процессы, причем на всех уровнях без исключения – от локального до глобального.*

«Цифровое общество» в аксиологическом измерении

Серьезные качественные преобразования идут и в самом глобальном цифровом обществе. При этом они сопряжены как с позитивными, так и негативными переменами и последствиями. И трудно сказать, какие из них преобладают. Однако важнее другое: поскольку *глобализация и цифровизация* – процессы по природе своей объективные, нам остается принять это и максимально воспользоваться теми позитивными результатами и возможностями, которые они предоставляют. При этом там, где нельзя предотвратить или избежать негативных последствий, следует воспринимать их как нечто должное и закономерное, имея в виду при этом, что иногда, казалось бы, нечто совсем неприемлемое при ином подходе, восприятии, отношении может обернуться своей противоположностью и стать вполне приемлемым, а то и вовсе позитивным.

Итак, с учетом результатов «кумулятивного эффекта» от взаимодействия цифровизации и глобализации, сложно недооценить преимущества, которые в итоге дает «цифровое общество». Все это вполне наглядно проявляется, например, в таких сферах общественной жизни, как экономика, наука, образование, медицина и др. Главные же достоинства *цифровизации* вкуче с возможностями, которые предоставляет *глобализация*, – простота, точность и оперативность производства и получения товаров, услуг и всевозможной информации. Это также более эффективная организация рабочего процесса и увеличение производительности труда, хранение данных в электронном формате и избавление от обилия бумажной документации, расширение возможностей для анализа и прогноза, наконец, сведение к минимуму влияния человеческого фактора и т.д. и т.п. При этом первоначальные затраты на внедрение цифровых технологий быстро окупаются, что способствует более выгодному ведению бизнес-процессов и в целом является отличительной чертой «цифровой экономики» со всеми ее преимуществами.

Но с информационным обществом пришли как новые возможности, так и новые проблемы, в частности *информационный кризис*. Он проявился во второй половине XX в., когда остро встал вопрос об «информационной экологии» общества, поскольку все возрастающие потоки информации уже не поддавались обработке в приемлемое время [Скаленко 2016]. Именно тогда и обратили внимание на то, что следовало бы

назвать «информационным загрязнением», масштабы которого увеличивались с беспрецедентной быстротой. Данное положение дел наглядно характеризует тот факт, что если в начале XX в. совокупный объем всей информации, производимой человечеством, удваивался каждые 50 лет, то к середине этого века скорость удвоения сократилась до 10 лет, а к концу XX столетия информация удваивалась уже каждые 5 лет [Информационное... 2019 web]. Но и это был еще не предел, так как в первые два десятилетия нашего столетия совокупный объем только учтенной (оцифрованной) информации возрастал уже по экспоненте. Об этом говорят данные, которые приводит компания IBS. Так, «к 2003 году мир накопил 5 эксабайтов данных (1 ЭБ = 1 млрд гигабайтов). К 2008 году этот объем вырос до 0,18 зеттабайта (1 ЗБ = 1024 эксабайта), к 2011 году – до 1,76 зеттабайта, к 2013 году – до 4,4 зеттабайта. К лету 2015 года глобальное количество данных превысило 6,5 зеттабайта» [Мир... 2015 (web)]. А в 2020 г. эта цифра, по мнению специалистов, составила уже около 60 зеттабайтов, что отчасти было связано с пандемией, вызвавшей переход на удаленную работу и ощутимый всплеск потребления видео.

Проблема не имела решения на пути использования традиционных способов обработки информации, и потребовались новые подходы, основанные на цифровых технологиях. Одна из таких технологий, которая была разработана и стала активно использоваться для решения такой задачи, – «big data» (большие данные) [Журавлева 2018]. Она способна хранить и обрабатывать практически неограниченные объемы информации. Не меньший интерес представляет и другая технологическая новинка – блокчейн (block chain), где информация рассредоточена на компьютерах множества равноправных пользователей, независимо от их географического положения. Важно подчеркнуть при этом, что современные технологии используются также и во взаимосвязи друг с другом, становясь тем самым более эффективным средством общественных изменений как на локальном, так и глобальном уровнях. И перемены эти вовсе не однозначны.

Так, цифровые технологии и современные информационные ресурсы могут использоваться не только во благо, но и во вред, например, в корыстных или преступных целях. Все более изощренным и обычным явлением становится вторжение в частную жизнь даже в рамках существующего законодательства, не говоря уже о криминальной стороне дела. Хорошо известно, что не только мощные ИТ-компании типа Google, Яндекс, Facebook и т.п., но и многие другие легальные и нелегальные структуры имеют возможности на основании цифровых технологий собирать и обрабатывать персональные данные в отношении пользователей или клиентов, причем без их согласия.

Отдельного внимания заслуживает, в частности, политика Китая в этой области. Там с 2014 г. поэтапно вводилась система индивидуального рейтинга граждан, которая изначально была добровольной, а с 2020 г. стала обязательной. Суть ее заключается в том, что поступки, дела и поведение всех жителей страны находятся под постоянным контролем за счет новейших технологий сбора и обработки информации. В итоге каждый человек получает свой личный рейтинг. При этом у надежных граждан появляются серьезные преимущества и привилегии, тогда как ненадежные имеют тем меньше прав, чем ниже их рейтинг. Однако речь не только об отдельно взятой стране. «Сегодня подобное происходит в Китае, а завтра – рядом с вами, – говорит в этой связи В. Елкина. – И главные вопросы о будущем касаются не технологий и экономики, они касаются этики» [Елкина 2017 web].

В таких условиях не только политики и руководители всех мастей, но и лица, принимающие решения на различных уровнях, получают дополнительные возможности с помощью новейших технологий манипулировать общественным сознанием, получать политические или экономические преимущества, вести «информационные войны» и т.п. [Мехтиева 2017]. Тем самым, не ограниченная национальными и иными рамками информация стала реальной силой и ключевым инструментом получения и удержания власти, а также способом воздействия одних субъектов международных

отношений на других, независимо от границ и расстояний, их разделяющих. Все это хорошо передает произошедшие в последние десятилетия перемены, обусловленные «кумулятивным эффектом» взаимодействия цифровизации и глобализации.

Контурь общества будущего: от цифры к человеку

В контексте данной темы специального внимания заслуживает тот факт, что, чем больше мировое сообщество втягивается в процессы глобализации и цифровизации, тем больше оно, с одной стороны, становится единым целым, а с другой стороны, дифференцируется. Эта двойственность проявляется практически во всех сферах общественной жизни, но главным образом в международных отношениях. В этот естественный процесс размежевания глобального, локального и регионального, несомненно, серьезные коррективы внесла пандемия коронавируса. При этом то обстоятельство, что она резко сократила на неопределенное время туристические, научные, деловые и т.п. перемещения людей, а в известной мере и товаров, вовсе не отменяет дальнейшего развития объективных процессов глобализации. Вполне очевидно, что, ослабевая в одних отношениях, глобальные структуры, связи и взаимодействия людей в других сферах и контекстах сохраняются, а то и усиливаются. Именно так происходит, например, если дело касается интернет-пространства, удаленной работы, онлайн-образования и т.п. Еще больший импульс пандемия коронавируса придала развитию и внедрению в различные сферы общественной жизни цифровых технологий, которые предоставляют широкие возможности для онлайн общения и виртуального взаимодействия людей.

Таким образом, благодаря внедрению новейших информационных технологий и современных форм коммуникации традиционные экономические, торговые, социальные, культурные связи и отношения в условиях пандемии соответствующим образом реформируются, но не теряют своей актуальности и не становятся менее значимыми на глобальном уровне. В различных регионах планеты это проявляется не только в практически неразличимой архитектуре современных мегаполисов, схожих автомобилях на улицах или товарах в супермаркетах, но и в том, что значительные массы людей различными способами, в том числе и косвенно, вступают в контакты друг с другом, не ощущая расстояний между странами и континентами.

Все это делает нашу планету для всех нас единым общим домом, альтернативы которому нет и вряд ли когда-нибудь будет. Иными словами, в условиях многоаспектной глобализации и тех научно-технических достижений, ярким выражением которых является цифровизация, мы обречены жить все вместе, в одном доме, имя которому – Земля. А вот каким будет этот дом, будет ли в нем взаимопонимание и согласие, наконец, станет ли наша планета *раем* или вовсе превратится в *ад* – зависит только от самих людей, от их способности договариваться и находить совместные решения общих для всех проблем, число и актуальность которых уже теперь зашкаливает. И это при том, что мировое сообщество сегодня находится где-то между лучшим и худшим, то есть хотя оно еще и предельно далеко от *рая*, но и в *ад*, по счастью, всю планету пока не превратило [Чумаков 2019, 15–28]. А это значит, что не все еще потеряно, и шанс если и не найти окончательного решения, то хотя бы выбрать правильное направление мирового развития остается. Более того, такой шанс даже увеличится, если правильно воспользоваться теми возможностями, которые уже сегодня предоставляют цифровые технологии и современная глобализация.

Однако, возвращаясь к реалиям сегодняшнего дня, мы не можем абстрагироваться от того обстоятельства, что в глобальном мире мировое сообщество наряду с интеграцией все более явно дифференцируется, а его отдельные части стремятся к обособлению. Заметим при этом, что тенденция к изоляционизму – явление не новое; она обнаруживает себя на протяжении веков. Достаточно вспомнить как в свое время Китай пытался отгородиться от внешнего мира Великой китайской стеной; Римская империя во II в. возвела в Британии Адрианову стену, защищаясь от племен, нападавших с севера; Берлинская стена – пример из этого же ряда.

Конечно, падение Берлинской стены в 1989 г. хотя и можно рассматривать как символическое разрушение национальных границ и путь к единению глобального мира, тем не менее это стало скорее исключением, а не правилом. К тому же исключением, природа которого была во многом обусловлена конкретными идеологическими и геополитическими обстоятельствами того времени.

На самом же деле и сегодня процесс «огораживания» не прекратился. И это не только стена, разделяющая Северную и Южную Корею. Израиль укрепляет защитные ограждения по всей границе с миром ислама, США строят стену на границе с Мексикой. Сепаратистские настроения и тенденции к отделению Каталонии, Шотландии, Северной Ирландии или приглушенные (надолго ли?) конфликты такой же природы в Квебеке, в отдельных регионах Китая – все это другая, противоположная единению тенденция глобального мира. Таможенные барьеры, как результат столкновения экономических интересов и торговых войн, по сути такие же, только невидимые стены. И нет оснований полагать, что в обозримой перспективе ситуация с обособлением и возведением заградительных сооружений и стен изменится к лучшему [Гринин 2019, 3–24].

Но как это связано с информационно-технологической революцией и ее квинтэссенцией – цифровизацией? Самым непосредственным образом. Чем выше уровень информационно-технических достижений цивилизации, тем более хрупкой и уязвимой она становится. «Как показывает террористический акт 11 сентября 2001 г., не нужно никакое специальное оружие против цивилизации – она сама создает оружие против себя. В том числе в виде компьютерных программ, которые легко перепрограммировать и создать полный хаос в коммуникационных системах» [Эпштейн 2018, 178]. Другой пример – военный конфликт конца 2020 г. в Нагорном Карабахе с применением новационных беспилотников и цифровых технологий, который принципиально меняет характер и формы ведения боевых действий как минимум на уровне локальных и региональных военных конфликтов.

Вместе с тем, поскольку цифровые технологии способствуют преодолению барьеров и границ, расширяют возможности общения в режиме реального времени, сокращая расстояния, экономические издержки и т.п., то это порождает также оптимистические прогнозы и ожидания положительных результатов относительно решения актуальных проблем уже в недалеком будущем. В определенной мере такие надежды вполне оправданы. Однако проблема в том, что воспользоваться современными достижениями научно-технического прогресса по вполне понятным причинам могут далеко не все. Достаточно сказать, что к началу нашего столетия около трети населения мира не могли даже использовать чужие изобретения, и к настоящему времени ситуация принципиально не изменилась [The Economist 2000, 99]. При этом на фоне социально-экономической дифференциации и противостояния нищеты и роскоши растет волна нелегальной эмиграции, все более изощренной и технологичной становится международная преступность.

Не менее серьезным следствием цифровизации является и то, что манипуляция индивидуальным и общественным сознанием стала не только обыденным явлением, но и качественно иной, а ее возможности расширились до масштабов населения всего мира. Новые технологии изменения массового сознания выражаются термином «хай-хьюм», что означает «высокое воздействие на человека». Сфера же применения таких технологий предельно широкая, включая рекламу, избирательные кампании, информационные войны и т.п. В этих условиях все больше людей становятся телеманами и интернет-зависимыми: они уходят из сферы реальной жизни в виртуальный мир, попадая в цифровое рабство, обретая таким образом клиповое сознание в ущерб аналитическому мышлению. А поскольку на информационно-технологическую революцию все еще возлагаются надежды относительно ее возможностей позитивно влиять на решение социальных, экономических и других проблем, то важно подчеркнуть, что главная проблема не в технологиях, а в самом человеке и общественных отношениях, которые, как и прежде, еще далеко не совершенны.

В свое время французские мыслители ввели понятие *цивилизации*, чтобы отделить европейский уровень развития культуры от *варварства*, тем более, от *дикости* [Февр 1991]. Это понятие и теперь трактуется, прежде всего, как продвижение человечества вперед в моральном, интеллектуальном и правовом аспектах. Цивилизованность – это как минимум наличие развитого гражданского общества и разделение властей, верховенство закона и соблюдение прав человека, отделение церкви от государства, свобода слова и совести. Однако и теперь мы не придаем должного значения тому, что современное человечество находится на разных ступенях общественного развития... Мы думаем, что варварство и дикость – это рудименты прошлого? Вовсе нет! Наряду с несомненными достижениями в области цивилизационного развития на планете все еще пышным цветом цветет и варварство, и даже дикость... Не только отдельные проявления в тех или иных сообществах имеют мало общего с тем, что можно было бы назвать цивилизованностью, но и целые государства еще весьма далеки от того, чтобы именовать их цивилизованными. И нет достаточных оснований полагать, что в обозримой перспективе ситуация принципиально изменится [Чумаков 2021, 102–123].

Даже с учетом самых неожиданных поворотов в развитии научно-технического прогресса, когда на смену *цифровому* придет *постцифровое*, *роботизированное*, *неоинновационное*, *эвристическое* или еще какое-то технологически более совершенное общество, точкой отсчета и критерием совершенства во всех отношениях все равно останется *человек*. Таким образом, какие надежды ни возлагались бы на глобализацию, цифровизацию и иные перспективы в развитии науки, техники и технологий, подлинные перемены должны произойти, прежде всего, в самом человеке и обществе – на уровне сознания, морали и поведения людей.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Белл 1986 – *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342 (Bell, Daniel, *The Social Framework of the Information Society*, Abbreviated Russian Translation).

Тоффлер 1980 – *Тоффлер А.* Третья волна // США: Экономика. Политика. Идеология. 1982. № 7. С. 91 (Toffler, Alvin, *The Third Wave*, Russian Translation).

Февр 1991 – *Февр Л.* Цивилизация: эволюция слова и понятия (1930) // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991 (Febvre, Lucien, *Combats pour l'histoire*, Russian Translation).

Primary Sources

Friedrichs, Günter and Schaff, Adam, eds. (1982) *Microelectronics and Society. For Better or for Worse. A Report to the Club of Rome*, Pergamon Press, Oxford.

Ссылки – References in Russian

Гринин 2019 – *Гринин Л.Е.* Взгляд в будущее: прогнозы на XXI столетие // Век глобализации. 2019. № 3 (31). С. 3–24.

Елкина 2017 (web) – *Елкина В.* Новый серьезный китайский социальный эксперимент // RussiaPost, 02.11.2017. URL: <https://www.russiapost.ru/archives/129125>

Журавлева 2018 – *Журавлева Е.Ю.* Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 35–59.

Информационное... 2019 (web) – Информационное общество. URL: https://иванов-ам.рф/informatika_kabinet/inf_soz/inf_soz_02.html

Кацура, Мазур, Чумаков 2016 – *Кацура А.В., Мазур И.И., Чумаков А.Н.* Планетарное человечество: на краю пропасти. М.: Проспект, 2016.

Контурсы 2018 – *Контурсы цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего* / Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: Ленанд, 2018.

Мехтиева 2017 – *Мехтиева Н.Р.* Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. 2017. № 3. С. 77–89.

Мир... 2015 (web) – Мир big data в 8 терминах. URL: <https://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/>

Пружинин, Щедрина 2019 – *Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г.* Международный философский конгресс как феномен «Другой глобализации» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 33–39.

Скаленко 2016 – Скаленко А.К. Глобальносистемный кризис трансинформационной цивилизации // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 102–113.

Слюсарев, Хусяинов 2018 – Слюсарев В.В., Хусяинов Т.М. Цифровая революция и экзистенциальный кризис личности // Век глобализации. 2018. № 4. С. 145–151.

Чумаков 2019 – Чумаков А.Н. Глобальный мир: столкновение интересов. Монография. М.: Проспект, 2019.

Чумаков 2021 – Чумаков А.Н. Путь в философию. Работы разных лет: монография. М.: Проспект, 2021.

Эпштейн 2018 – Эпштейн М.Н. От анализа к синтезу. Призвание философии в XXI веке // Русское Зарубежье: Антология современной философской мысли / Составление и подготовка к печати М. Сергеева. Бостон: M-Graphics, 2018. С. 167–198.

References

Chumakov, Alexander N. (2019) *Global World: Clash of Interests*, Prospekt, Moscow (in Russian).
Chumakov, Alexander N. (2021) *Path to Philosophy. Works of Different Years*, Prospekt, Moscow (in Russian).

Elkina, Veronika (2017 web) “New Serious Chinese Social Experiment”, *RussiaPost*, URL: <https://www.russiapost.ru/archives/129125> (in Russian).

Epstein, Mikhail N. (2018) “From Analysis to Synthesis. The Vocation of Philosophy in the XXI Century”, Sergeev, Mikhail, ed., *Russian Abroad: An Anthology of Modern Philosophical Thought*, M-Graphics, Boston (in Russian).

Grinin, Leonid E. (2019) “A Look into the Future: Forecasts for the XXI century”, *Age of Globalization*, Vol. 3, pp. 3–24 (in Russian).

Information Society (2019 web) URL: https://иванов-ам.рф/informatika_kabinet/inf_soz/inf_soz_02.html (in Russian).

Ivanov, Vladimir V., Malinetsky, Georgy G., Sirenko, Svetlana N., eds. (2018) *Contours of Digital Reality: The Humanitarian and Technological Revolution and the Choice of the Future*, Lenand, Moscow (in Russian).

Katsura, Alexander V., Mazur, Ivan I., Chumakov, Alexander N. (2016) *Planetary Humanity: on the Edge of the Abyss*, Prospekt, Moscow (in Russian).

Mehtieva, Nigar R. (2017) ‘Information Wars as a “Digital” Aspect of Globalization’, *Age of Globalization*, Vol. 3, pp. 77–89 (in Russian).

Negroponte, Nicholas (1995) *Being Digital*, Knopf, NY.

Pruzhinin, Boris I., Shchedrina, Tatyana G. (2019) ‘International Philosophical Congress as a Phenomenon of “Another Globalization”’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3, pp. 33–39 (in Russian).

Skalenko, Alexey K. (2016) “Global System Crisis of Transinformation Civilization”, *Age of Globalization*, Vol. 1–2, pp. 102–113 (in Russian).

Slyusarev, Vladimir V., Khusyainov, Timur M. (2018) “Digital Revolution and Existential Crisis of Personality”, *Age of Globalization*, Vol. 4, pp. 145–151 (in Russian).

Tapscott, Don (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in The Age of Networked Intelligence*, McGraw-Hill, NY.

Schoenherr, Steven E. (2004 web) *The Digital Revolution (Timeline)*, URL: <http://history.sandiego.edu/gen/recording/digital.html>

The Economist, 2000, June 24th, p. 99.

The World of Big Data in 8 Terms (2015 web) URL: <https://rb.ru/howto/big-data-in-8-terms/> (in Russian).

Top Global Market Trends and Predictions for 2016 and beyond (2016 web) URL: <https://assets.kpmg.com/content/dam/kpmg/pdf/2016/02/top-global-market-trends-and-predictions.pdf>

Zhuravleva, Elena Yu. (2018) ‘Challenges of “Big Data” Technologies for Modern Socio-humanitarian Sciences’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9, pp. 35–59 (in Russian).

Сведения об авторе

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Век глобализации».

Author’s Information

CHUMAKOV Alexander N. – DSc in Philosophy, Professor at the Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Editor-in-chief of the Journal “Age of Globalization”.